Дата поступления рукописи в редакцию: 02.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-170-177
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

ДЕМИДОВ Андрей Николаевич,
аспирант 3 курса Российской государственная академии интеллектуальной собственности, Москва, Россия,
e-mail: andre2000andre@mail.ru

КРИТЕРИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЮРИСДИКЦИОННОЙ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ ПРИ РАСПРЕДЕЛЕНИИ ЗАЩИТНЫХ ФУНКЦИЙ

Аннотация. *Защита авторских прав в сети Интернет нередко осуществляется при распределении инициирования, проверки обращения, принятия решения и исполнения между разными участниками. Сходство технического результата затрудняет определение правовой природы соответствующих действий. Цель исследования состоит в установлении гражданско-правовых критериев квалификации неюрисдикционной защиты и юридических ролей её участников. Используются формально-юридический, системный, функциональный и сравнительно-доктринальный методы. Обосновывается необходимость совместно устанавливать юридическое основание конкретного поведения, принадлежность юридически значимого решения, выполняемую участником функцию и связь решения с непосредственным исполнением. Показано, что инициатива правообладателя, частный статус исполнителя и эффективность технического ограничения сами по себе не определяют квалификацию. Применение предложенных критериев позволяет разграничить самостоятельное осуществление способа защиты управомоченным лицом, добровольное исполнение требования, нормативно обусловленное инфраструктурное реагирование, самостоятельное платформенное решение и исполнение чужого, в том числе юрисдикционного, акта.*

Ключевые слова: *неюрисдикционная защита; авторские права; гражданско-правовая квалификация; защитное решение; юридическая функция; информационный посредник; цифровая платформа; добровольное исполнение; инфраструктурное реагирование; исполнение решения.*

Для цитирования: *Демидов А. Н. Критерии гражданско-правовой квалификации неюрисдикционной защиты авторских прав в сети Интернет при распределении защитных функций // Право и управление. 2026. № 10. С. 170–177.*

DEMIDOV Andrey Nikolaevich,
2nd year postgraduate, Russian State Academy of Intellectual Property Moscow, Russia

CRITERIA FOR CIVIL-LAW QUALIFICATION OF NON-JURISDICTIONAL COPYRIGHT PROTECTION ON THE INTERNET WHEN PROTECTIVE FUNCTIONS ARE DISTRIBUTED

Annotation. *Copyright protection on the Internet frequently involves a division of functions between the right holder, the addressee of a request, an online intermediary and a technical executor. The same technical outcome may result from legally different decisions. This article develops civil-law criteria for qualifying non-jurisdictional protection and identifying the legal roles of its participants. The study employs doctrinal, systemic and functional methods and analyses Russian legislation and case law. It argues that the legal basis of specific conduct, attribution of the legally significant decision, the function performed by the participant, and the relationship between that decision and its actual implementation must be examined together. An initial notice, the private status of the executor or the effectiveness of a restriction is insufficient on its own. The criteria distinguish protection exercised by an entitled person, voluntary compliance, legally prescribed*

intermediary action, independent platform decision-making and execution of another person's decision, including a binding jurisdictional act.

Key words: *non-jurisdictional protection; copyright; civil-law qualification; protective decision; legal function; information intermediary; online platform; voluntary compliance; platform response; execution of a decision.*

For citation: *Demidov A. N. Criteria for civil-law qualification of non-jurisdictional copyright protection on the internet when protective functions are distributed. Law and administration. 2026;(10):170–177. (In Russ.).*

В сети Интернет прекращение неправомерного использования произведения может быть достигнуто посредством удаления материала, ограничения доступа к нему либо прекращения передачи цифрового файла. Однако одинаковый технический результат не свидетельствует об одинаковой гражданско-правовой природе совершённого действия. Владелец исключительного права может самостоятельно прекратить неправомерное использование в подконтрольной ему системе; предполагаемый нарушитель может добровольно удовлетворить требование; владелец сайта способен удалить материал во исполнение обязанности, предусмотренной законом; оператор связи может ограничить доступ на основании обязательного судебного акта. Для квалификации недостаточно установить, кто фактически осуществил удаление. Требуется определить юридический источник соответствующего воздействия и функции лиц, участвовавших в формировании результата.

Особенно отчетливо проблема проявляется, если правообладатель направляет обращение, владелец цифровой инфраструктуры проверяет его обоснованность, уполномоченный работник принимает решение, а предусмотренная программная система выполняет ограничение. Причинная связь между обращением и конечным результатом существует, но не объясняет, кому юридически принадлежит решение и какой порядок защиты реализуется. Исследовательская задача настоящей статьи состоит в определении критериев гражданско-правовой квалификации защиты авторских прав при таком распределении функций. Ее решение требует соотнести юридическое основание поведения каждого участника, принадлежность решения о воздействии, выполняемую функцию и непосредственное исполнение решения, не подменяя эти элементы описанием технологической последовательности.

Исходное разграничение вытекает из статей 11 и 12 ГК РФ. Неюрисдикционность относится к порядку осуществления защиты, тогда как способ защиты характеризует допускаемую правом направленность воздействия на нарушение или его последствия. Средство представляет собой конкретное действие либо юридический инструмент реализации способа, а техническая операция характеризует фактическое исполнение. Отсюда не следует, что всякое внесудебное действие является самозащитой, названной в статье 12 ГК РФ. Пресечение нарушения может осуществляться в разных порядках и с участием разных лиц. Само же отсутствие обращения в государственный суд не исключает юрисдикционную природу решения, например вынесенного третейским судом при осуществлении признанной законом компетенции [1].

В доктрине критерий формы защиты традиционно связывают с субъектом применения охранительных норм. Как отмечает М. А. Рожкова, одним из признаков юрисдикционной формы является «вынесение этим органом (или лицом) обязательного для спорящих сторон решения» [2, с. 133]. Данное положение имеет принципиальное значение для разграничения юрисдикционного акта и действий частного лица, исполняющего установленную законом обязанность. Наличие обязательной нормы о реагировании на обращение еще не означает, что адресат такой нормы наделен специальной компетенцией индивидуально разрешить материально-правовой спор. В то же время частный статус лица, принимающего обязательное индивидуальное решение в рамках признанного законом третейского разбирательства, не устраняет юрисдикционного характера его функции. Следовательно, организационная характеристика участника должна проверяться в связи с правовым основанием решения и его юридическими свойствами.

Положения В. П. Грибанова о праве на защиту как правомочии субъективного гражданского права позволяют выявить другую сторону проблемы. Самостоятельность защитного поведения должна быть связана с определенной правовой позицией, а не только с заинтересованностью лица в прекращении нарушения [3]. Вместе с тем соответствующая связь в законодательстве не всегда выражается в принадлежности исключительного права. Система способов защиты, исследованная Д. Н. Латыповым, также показывает необходимость отличать юридическое содержание защитного действия от порядка его осуществления [4]. Для рассматриваемого вопроса поэтому недостаточно общего противопоставления защиты правообладателя и участия третьих лиц.

Следует установить конкретное основание самостоятельного защитного полномочия либо иного юридически значимого поведения.

Предлагаемая квалификация основывается на совместной проверке четырех взаимосвязанных обстоятельств. Первым является юридическое основание конкретного действия, которое может состоять в принадлежности защищаемого права, специальном полномочии, обязанности, возникшей из закона или договора, либо обязательном индивидуальном акте компетентного субъекта. Второе обстоятельство связано с юридической принадлежностью решения о применении воздействия. Третье выражает функцию участника в соответствующем правоотношении. Наконец, необходимо установить, каким образом решение реализуется и чье действие непосредственно формирует защитный результат. Эти обстоятельства не создают нового способа защиты и не образуют закрытого перечня субъектов. Их совокупность необходима для разграничения уже предусмотренных гражданским правом моделей поведения.

Самостоятельное значение каждого элемента обнаруживается при проверке отрицательных вариантов. Если учитывать исключительно источник инициативы, добровольное удаление произведения нарушителем становится неотличимым от самозащиты правообладателя. Если исходить только из лица, выполнившего операцию, можно ошибочно признать технического подрядчика субъектом самостоятельного защитного решения. Если принимать во внимание лишь содержание программного ограничения, становится невозможно разграничить договорное блокирование, исполнение законной обязанности владельца сайта и исполнение судебного акта. Наконец, принадлежность отдельного решения также недостаточна без проверки его юридической функции. Адресат требования вправе самостоятельно решить исполнить существующую обязанность, но этим не приобретает правомочие на защиту чужого авторского права.

В гражданско-правовом отношении сначала необходимо установить конкретную защищаемую позицию. Статьи 1228, 1229 и 1255 ГК РФ позволяют различить автора как носителя личных неимущественных прав и обладателя исключительного права, которые после перехода исключительного права могут не совпадать. Применительно к служебному произведению статья 1295 ГК РФ также требует учитывать разграничение авторства и принадлежности исключительного права. Соответственно, не всякое обращение автора направлено на защиту именно принадлежащего ему исключительного права, а собственное решение работодателя или приобретателя исключительного права может относиться к иной правовой позиции. Пределы самостоятельных действий устанавливаются по содержанию конкретного права, а не по общему обозначению лица как автора или правообладателя [1].

Субъект осуществления способа защиты не всегда является обладателем исключительного права. В силу пункта 1 статьи 1254 ГК РФ лицензиат, получивший исключительную лицензию, может защищать затронутые нарушением предоставленные ему права способами, указанными законодателем. Это специальное основание защиты собственной лицензионной позиции, не означающее перехода к лицензиату самого исключительного права. Пункт 5 статьи 1242 ГК РФ предусматривает право организации по управлению правами на коллективной основе совершать необходимые юридические действия для защиты управляемых прав от имени правообладателей либо от собственного имени. Такое полномочие также нельзя объяснить простым приобретением организацией соответствующих исключительных прав. В каждом случае следует отдельно установить содержание переданных полномочий и юридическую принадлежность принимаемого решения [1].

Особое положение занимает доверительный управляющий. Статьи 1012 и 1020 ГК РФ связывают его действия с управлением в интересах учредителя или выгодоприобретателя и осуществлением правомочий в пределах закона и договора. В пунктах 48–49 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 разграничены доверительное и коллективное управление и раскрыты условия защиты управляющим переданных ему правомочий [14]. Доверительный управляющий действует от собственного имени, однако это не делает его владельцем исключительного права. Сопоставление лицензиата, организации коллективного управления и доверительного управляющего подтверждает необходимость квалифицировать специальные основания самостоятельной защиты раздельно, без их объединения в единую конструкцию делегирования правомочия правообладателя.

От субъектов, самостоятельно осуществляющих способ защиты, необходимо отличать лиц, участвующих в формировании и исполнении их решения. Статья 53 ГК РФ предусматривает приобретение юридическим лицом прав и принятие обязанностей через его органы. Решение уполномоченного органа в пределах компетенции может являться способом формирования воли самой организации. Действие работника, выполняющего порученную техническую операцию, имеет иную функцию. Представитель, действующий в пределах полномочия от имени представляемого при совершении сделки, подпадает под правила статьи 182 ГК РФ. Однако эти правила не следует

механически распространять на любое фактическое воздействие на цифровой ресурс. Следовательно, внутреннее организационное усмотрение, представительство и внешнее техническое исполнение требуют разных оснований юридического отнесения.

Участие внешнего исполнителя также не предрешает квалификацию. Договор может установить порядок выполнения технической команды, но не создает сам по себе права вмешиваться в чужую информационную систему или самостоятельно защищать чужое авторское право. Если исполнитель определяет исключительно последовательность технических операций, а правомерность, адресат и содержание воздействия установлены управомоченным лицом, есть основания исследовать юридическую связь результата с решением этого лица. Напротив, самостоятельная оценка исполнителем допустимости использования произведения и выбор меры требуют отдельной квалификации. Специальные условия отнесения внешнего исполнения к самозащите ранее рассмотрены автором применительно к самостоятельному пресекательному воздействию [13]. Здесь они значимы лишь как граница между осуществлением конкретного способа защиты и самостоятельным поведением другого участника.

Наиболее сложная ситуация возникает при частном инфраструктурном реагировании. Как отмечает Н. В. Бузова, «Особую роль во взаимоотношениях между владельцем платформы, сервиса или иного ресурса играет пользовательское соглашение» [5, с. 136]. Этот тезис показывает юридическое значение договорной организации отношений пользователя и владельца сервиса. Вместе с тем договорная связь не заменяет проверки самостоятельных законодательных обязанностей информационного посредника. В. Б. Кикакосов, исследуя предпосылки и пределы его ответственности, связывает правовое положение посредника с характером реально осуществляемой деятельности [7]. Поэтому обозначение лица как владельца сайта или оператора платформы не позволяет заранее определить правовую природу примененного им ограничения.

Содержание статьи 1253.1 ГК РФ подтверждает необходимость функциональной оценки. Закон различает передачу материала, предоставление возможности его размещения и предоставление доступа к материалу. Основания освобождения посредника от ответственности зависят от соответствующего вида деятельности. Для посредника, предоставляющего возможность размещения материала, юридически значимы знание о нарушении и своевременность принятия необходимых и достаточных мер после заявления правообладателя. Пункт 4 статьи 1253.1 ГК РФ допускает предъявление к посреднику требований, не связанных с гражданско-правовой ответственностью, включая удаление информации или ограничение доступа [1]. Ни одно из этих положений не превращает посредника в универсального носителя правомочия по защите чужого авторского права.

В работе Д. В. Кожемякина и И. И. Коверченко специально показано возникновение внесудебных процедур рассмотрения требований правообладателей на цифровых платформах. Как отмечают Д. В. Кожемякин и И. И. Коверченко, «понятие информационного посредника шире понятия оператора цифровой платформы» [6, с. 139]. Изложенная ими конструкция учитывает самостоятельность предусмотренных платформой процедур, а также значение уведомления для режима ответственности посредника. Приведенные выводы исключают представление о том, что разграничение обращения и последующего платформенного реагирования является ранее не исследованной проблемой. Вместе с тем сохраняется самостоятельная задача гражданско-правовой квалификации разных моделей формирования защитного результата с учетом не только положения оператора платформы, но и правомочий заявителя, обязанности адресата, происхождения решения и характера его исполнения.

Н. В. Иванов рассматривает вину информационного посредника и распределение бремени доказывания правомерности использования произведения между правообладателем и адресатом претензии [8]. В. О. Калятин при анализе сайтов объявлений поднимает вопрос о пределах обязанностей таких владельцев ресурсов и предотвращении повторных нарушений [9]. А. Г. Серго непосредственно исследует необходимые и достаточные меры информационного посредника применительно к маркетплейсам [10]. Для настоящей статьи важен не перенос выводов об ответственности на квалификацию защиты, а различие самих предметов оценки. Наличие основания для освобождения посредника от ответственности, выполнение им собственной обязанности и принадлежность решения о конкретном ограничении должны устанавливаться отдельно. Совпадение фактического действия не делает эти вопросы юридически тождественными.

Статья 15.7 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ предусматривает специальную процедуру внесудебного реагирования на заявление о нарушении авторских или смежных прав. Обращение правообладателя должно содержать определенные сведения, а владелец сайта проверяет их полноту и точность, при необходимости предлагает уточнение. Часть 6 статьи предусматривает удаление указанной информации в установленный срок после получения надлежащего заявления. Вместе с тем часть 7 допускает

непринятие таких мер при наличии доказательств правомерности размещения с направлением заявителю соответствующего уведомления; часть 8 распространяет правила и на исключительного лицензиата [15]. Поэтому деятельность владельца сайта не сводится к механическому выполнению волеизъявления заявителя. Ее юридическое основание и пределы проверки установлены законом.

Из нормативной обусловленности такой процедуры, однако, не следует полностью свободное усмотрение владельца сайта. Закон определяет предмет заявления, порядок исправления недостатков и условия возможного отказа от удаления. Следовательно, необходимо различать собственную юридически значимую проверочную функцию, которую выполняет частное лицо, и его возможность по своему усмотрению устанавливать содержание ограничения. Нормативно обусловленное частное реагирование представляет самостоятельную модель неюрисдикционного порядка, но не становится ни самозащитой правообладателя, ни обязательным индивидуальным разрешением материально-правового спора юрисдикционным субъектом. Иное понимание привело бы к смешению законодательной обязанности владельца сайта с компетенцией суда.

При самостоятельном платформенном решении правовое основание поведения может определяться законом, договором с пользователем и применимыми правилами ресурса. В сравнительно-правовом исследовании J. P. Quintais, G. De Gregorio и J. C. Magalhães показано, что условия предоставления услуг и правила сообщества позволяют платформам самостоятельно регулировать доступ к пользовательскому контенту, в том числе посредством алгоритмических инструментов [12]. Такие выводы характеризуют частное договорное регулирование и не имеют непосредственной нормативной силы для российского гражданского права. Тем не менее они подтверждают необходимость не смешивать правообладателя, инициировавшего жалобу, с владельцем ресурса, который на собственном юридическом основании оценивает обращение, учитывает возражения пользователя и выбирает предусмотренное правилами воздействие.

А. С. Мельникова также разграничивает пользователя, владельца сервиса, провайдера хостинга и модератора как участников отношений, связанных с неправомерным пользовательским контентом [11]. Это разграничение важно, но само по себе не разрешает вопрос о субъекте осуществления способа защиты авторского права. Модератор может выступать работником либо уполномоченным лицом владельца платформы, и его решение в пределах предоставленных полномочий может составлять процесс формирования решения самой организации. Автоматизированная система, напротив, не является самостоятельным субъектом гражданского права. Юридическая оценка ее действий предполагает установление лица, к которому относится заложенное в систему решение, а также проверку того, формируется ли при последующем применении новое содержательное решение другого участника.

Уточнения требуют и положения Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», вступившего в силу 1 октября 2026 г. Часть 6 статьи 7 предусматривает обращение правообладателя к оператору посреднической цифровой платформы с заявлением о прекращении размещения информации, нарушающей его интеллектуальные права [16]. Но само предоставление права на обращение не означает, что законодатель предусмотрел универсальную модель материально-правовой проверки всех претензий владельцем платформы либо предоставил ему юрисдикционную компетенцию. Действия оператора в каждом случае следует оценивать с учетом специального закона, гражданского законодательства и соответствующих договорных правил. Уведомление является юридически значимым этапом, но не заменяет квалификации последующего поведения.

Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 39-П предоставляет особенно значимый материал для такой проверки. Применительно к ситуации реализации товаров через маркетплейс Конституционный Суд раскрыл значение предварительно обоснованного обращения правообладателя, запроса доказательств правомерности использования у продавца и временного приостановления размещения информации о товаре при установленных условиях. Владелец маркетплейса при этом не разрешает окончательно материально-правовой спор, а осуществляет собственную проверочную и ограничительную функцию в обозначенных Судом пределах [17]. Конституционно-правовое истолкование, содержащееся в пункте 1 резолютивной части Постановления, подлежит общему применению с 16 сентября 2026 г., за исключением пересмотра судебных актов по делу заявителя. Распространять описанную модель на любые платформы и все виды авторско-правовых нарушений без учета ее предметных границ нельзя.

Решение Конституционного Суда подтверждает разграничение содержания воздействия и юридической компетенции его применения. Внешне одно и то же приостановление размещения информации может быть предусмотрено законом, принято на основании собственных правил платформы либо являться исполнением ранее принятого обязательного судебного акта.

Однако юридическая функция владельца ресурса будет различной. Данная оценка согласуется с пунктами 77–78 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, требующими учитывать фактически выполняемую посредником деятельность [14]. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 29 мая 2024 г. также показывает необходимость исследовать степень вовлеченности владельца ресурса в использование произведения, а не исходить только из обозначения его как посредника [18]. Эти позиции имеют значение для определения статуса и ответственности, но не устанавливают специальной универсальной модели самозащиты правообладателя.

Отдельную группу образуют действия, при которых участник не принимает собственного решения по существу содержания защитного воздействия. Так, технический оператор может исполнять обязательный судебный или административный акт, определивший конкретное ограничение. Частный характер исполнителя и отсутствие его полномочия разрешать спор не превращают этот этап в неюрисдикционную защиту. Юрисдикционный источник обязательности сохраняет свое значение и при техническом исполнении другим лицом. Напротив, добровольное исполнение нарушителем требования правообладателя основывается на его собственной обязанности и решении ее исполнить. Здесь отсутствует обязательное индивидуальное разрешение вопроса юрисдикционным субъектом, но отсутствует и осуществление нарушителем чужого защитного правомочия. Обе модели объясняют, почему отождествление исполнительской операции с порядком защиты приводит к неправильному результату.

Проверим предлагаемое разграничение на типичных ситуациях. Если обладатель исключительного права посредством собственного ресурса прекращает неправомерное доведение произведения до всеобщего сведения, защитное решение и непосредственное воздействие могут принадлежать ему. Дополнительная квалификация такого действия как самозащиты требует установления соответствующих специальных признаков, не исчерпывающихся фактом отсутствия суда [13]. Если после претензии лицо, разместившее произведение, удаляет файл добровольно, непосредственный результат формируется исполнением обязанности адресатом. В обоих случаях может быть достигнуто пресечение одного и того же использования, но принадлежность решений и юридическая функция поведения различаются.

Иной результат дает обращение владельцу сайта по статье 15.7 Закона № 149-ФЗ. Даже при исполнении обязанности удалить материал юридическим основанием поведения владельца остается специальная законодательная процедура, включающая проверку полученных сведений. Если же цифровая платформа по собственным договорным правилам принимает решение ограничить размещение спорного контента, необходимо исследовать предоставленный ей объем оценки и принятые ею критерии. В каждом случае наличие жалобы правообладателя объясняет возникновение процедуры, но не заменяет решение инфраструктурного участника. Поэтому нормативно обусловленное реагирование и самостоятельное платформенное решение различаются по источнику и объему усмотрения, хотя оба могут относиться к неюрисдикционному порядку.

Еще одна проверочная ситуация возникает, когда организация поручает внешнему лицу выполнить заранее определенную техническую операцию. Если выбор воздействия принадлежит организации, необходимо установить конкретное правовое основание участия исполнителя и допустимость порученного действия, прежде чем относить результат к ее защитной деятельности. Установка автоматического правила ограничения не дает иного ответа только в силу программной формы исполнения. Противоположный случай представляет оператор связи, ограничивающий доступ во исполнение обязательного судебного акта. Здесь непосредственный технический результат принадлежит оператору, но юридический источник воздействия сохраняет юрисдикционную природу. Эти ситуации показывают, что последовательность «обращение, решение, исполнение» не всегда представляет единое юридически однородное действие.

Таким образом, субъект осуществления конкретного неюрисдикционного способа защиты определяется наличием собственного права либо специального юридического основания самостоятельно осуществлять соответствующий способ в отношении определенной защищаемой позиции и юридической принадлежностью защитного решения. От него следует отличать субъекта частного инфраструктурного реагирования, собственные функции которого возникают из закона, договора или основанных на них правил ресурса. К иным участникам относятся, в частности, добровольно исполняющий адресат, представитель в пределах производного полномочия и технический исполнитель чужого решения. Такое разграничение не следует понимать как исчерпывающую классификацию всех лиц, присутствующих в сетевом взаимодействии. Оно устанавливает различие юридических функций в пределах конкретного защитного процесса.

Проведенное исследование позволяет заключить, что гражданско-правовая квалификация неюрисдикционной защиты авторских прав при распределении защитных функций требует совместного определения юридического основа-

ния поведения, принадлежности юридически значимого решения, выполняемой участником функции и связи решения с его непосредственным исполнением. Принадлежность результата нельзя выводить только из инициативы правообладателя, факта технического ограничения или частного статуса исполняющего лица. В зависимости от указанных обстоятельств однородный по технической форме результат может быть связан с самостоятельным осуществлением защиты управомоченным лицом, добровольным исполнением адресата, нормативно обусловленным инфраструктурным реагированием либо собственным платформенным решением. Если воздействие исполняет обязательный индивидуальный акт компетентного субъекта, техническое участие частного лица не изменяет юрисдикционной природы соответствующего этапа. Тем самым предлагаемое разграничение конкретизирует не новое понятие самозащиты, а гражданско-правовую квалификацию распределенного формирования защитного результата в сети Интернет.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Ст. 11, 12, 14, 53, 182, 1012, 1020; Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496. Ст. 1228, 1229, 1242, 1250, 1252, 1253.1, 1254, 1255, 1295.

[2] Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М.: Статут, 2009. С. 133.

[3] Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд. М.: Статут, 2001. 411 с.

[4] Латыпов Д. Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.3. Пермь, 2022.

[5] Бузова Н. В. Использование объектов авторского права и смежных прав на цифровых платформах и сервисах // Труды по интеллектуальной собственности. 2024. Т. 51. № 4. С. 133–142. DOI: 10.17323/tis.2024.23977.

[6] Кожемякин Д. В., Коверченко И. И. Внесудебные процедуры пресечения распространения пиратства на цифровых платформах: обеспечение баланса интересов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 132–147. DOI: 10.17223/22253513/50/10.

[7] Киракосов В. Б. Информационный посредник: предпосылки к установлению пределов ответственности и особенности действующего правового регулирования // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 4 (46). С. 154–164. DOI: 10.58741/23134852_2024_4_15..

[8] Иванов Н. В. Особенности ответственности информационного посредника за нарушение исключительного права // Закон. 2023. № 5. С. 37–52. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-5-37-52..

[9] Калятин В. О. Проблемы определения ответственности сайта объявлений (классифайдера) // Цивилист. 2025. № 2 (54). С. 8–17.

[10] Серго А. Г. Необходимые и достаточные меры, своевременно принятые информационным посредником на примере маркетплейсов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2026. № 59. С. 127–148.

[11] Мельникова А. С. Ответственность владельца цифрового сервиса за неправомерный пользовательский контент // Cifra. Право. 2026. № 3 (11). DOI: 10.60797/LAW.2026.11.3.

[12] Quintais J. P., De Gregorio G., Magalhães J. C. How platforms govern users' copyright-protected content: exploring the power of private ordering and its implications // Computer Law & Security Review. 2023. Vol. 48. Art. 105792. DOI: 10.1016/j.clsr.2023.105792..

[13] Демидов А. Н. Квалификационные признаки самозащиты авторских прав в сети Интернет // Российский научный вестник. 2026. № 9. С. 57–65. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-57-65..

[14] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». П. 48–49, 77–79.

[15] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448. Ст. 15.7.

[16] Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 31.07.2025. Ст. 7, ч. 6.

[17] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 2026 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью „Мир Хобби“». П. 5.2–5.3; резолютивная часть, п. 1, 4.

[18] Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29 мая 2024 г.). П. 18–20.

References:

[1] Civil Code of the Russian Federation (Part One) No. 51-FZ // SZ RF dated November 30, 1994.

1994. № 32. Art. 3301. Art. 11, 12, 14, 53, 182, 1012, 1020; Civil Code of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 No. 230-FZ // SZ RF. 2006. No. 52 (part I). Art. 5496. Art. 1228, 1229, 1242, 1250, 1252, 1253.1, 1254, 1255, 1295.

[2] Rozhkova M. A. Legal facts of civil and procedural law: agreements on the protection of rights and procedural agreements. M.: Statute, 2009. S. 133.

[3] Gribanov V.P. Exercise and protection of civil rights. 2nd ed. M.: Statute, 2001. 411 p.

[4] D.N. Latypov. The system of ways to protect civil rights in the Russian Federation: dis.... Dr. Jurid. Sciences: 5.1.3. Perm, 2022.

[5] Buzova N.V. Use of copyright and related rights on digital platforms and services // Works on intellectual property. 2024. VOL. 51. № 4. S. 133-142. DOI: 10.17323/tis.2024.23977.

[6] Kozhemyakin D.V., Koverchenko I.I. Extrajudicial procedures for suppressing the spread of piracy on digital platforms: ensuring a balance of interests // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2023. № 50. S. 132-147. DOI: 10.17223/22253513/50/10.

[7] Kirakosov V. B. Information intermediary: prerequisites for establishing the limits of responsibility and features of the current legal regulation // Journal of the Intellectual Property Court. 2024. № 4 (46). S. 154-164. DOI: 10.58741/23134852_2024_4_15..

[8] Ivanov N.V. Features of the responsibility of the information intermediary for violation of the exclusive right // Law. 2023. № 5. S. 37-52. DOI: 10.37239/0869-4400-2023-20-5-37-52..

[9] Kalyatin V.O. Problems of determining the responsibility of an ad site (classifier) // Civilist. 2025. № 2 (54). S. 8-17.

[10] Sergo A. G. Necessary and sufficient measures taken in a timely manner by the information intermediary on the example of marketplaces // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2026. № 59. S. 127-148.

[11] Melnikova A. Responsibility of the owner of the digital service for illegal user content // Cifra. Right. 2026. № 3 (11). DOI: 10.60797/LAW.2026.11.3.

[12] Quintais J. P., De Gregorio G., Magalhães J. C. How platforms govern users' copyright-protected content: exploring the power of private ordering and its implications // Computer Law & Security Review. 2023. Vol. 48. Art. 105792. DOI: 10.1016/j.clsr.2023.105792..

[13] Demidov A. N. Qualification signs of self-protection of copyright on the Internet // Russian Scientific Bulletin. 2026. № 9. S. 57-65. DOI: 10.24412/2782-3830-2026-9-57-65..

[14] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 23, 2019 No. 10 "On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation." P.48-49, 77-79.

[15] Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" // NW RF. 2006. No. 31 (part I). Art. 3448. Art. 15.7.

[16] Federal Law of July 31, 2025 No. 289-FZ "On Certain Issues of Regulation of the Platform Economy in the Russian Federation" // Official Internet Portal of Legal Information. 31.07.2025 Art. 7, part 6.

[17] Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 16, 2026 No. 39-P "In the case of checking the constitutionality of paragraphs 1 and 3 of Article 1253.1 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the Mir Hobby limited liability company." CL. 5.2-5.3; the operative portion of claim 1, 4.

[18] Review of judicial practice in civil cases related to violation of copyright and related rights in the information and telecommunication network "Internet" (approved by Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 29, 2024). P. 18-20.